

Смотр сил демократии

В этот торжественный день, посвященный дню Победы, на боевой смотр выходят все прогрессивные силы человечества, борющиеся за демократию, за социализм. Лагерь реакции, возглавляемый международными империалистами, поджигателями новой войны, противопоставит могучий демократический лагерь во главе с Советским Союзом.

СССР — надежный оплот мира и безопасности, демократии и свободы. Великая страна, построившая социализм и успешно идущая к коммунизму, показывает всему человечеству путь к счастью народов. Взоры трудящихся во всех концах земного шара обращены к Советскому Союзу, к Москве, к Сталину.

Советские люди, идущие во главе человечества, празднуют Первое мая с гордым сознанием правоты и величия нашего дела. Развешивая флажки, пролагающие новые пути, строители коммунизма, утверждающие в мире великие идеи Ленина—Сталина, выходят на первомайский смотр, озаренный славою всемирно-исторических побед, славою незабываемых подвигов.

Советский Союз спас народы земли от фашизма. Образ советского воина, который не только очистил от врага родную землю, но и принеся свободу истерзанной Европе, образ сталинского солдата — отважного, благородного, верного своему долгу, живет в сердцах миллионов спасенных им людей.

Ныне многие из тех, кого встречали с ликованием Ватшава и Беагра, София и Вена, жители Киркенеса и рыбаки Борнгольма, трудятся на лесах новостроек, на необжитых колхозных нивах. На их гимнастерках со следами погон, на их рабочих спецовках рядом с боевыми наградами уже сияют знаки новой славы — золотые звезды и ордена за героические созидательные подвиги.

Едва отгремели последние раскаты битвы, как партия большевиков повела советский народ в наступление на широком фронте труда. План послевоенной пятилетки, грандиозная программа восстановления и развития народного хозяйства, начертанная Сталиным, воодушевила миллионы патриотов. И поднялись на месте пепелищ новые стены, и земля, опаленная пожарами, а затем жестокой засухой, вновь зазеленела, заколосилась. Искоренные домы вернулись к жизни, затопленные шахты вновь отгасили грохотом отбойных молотков. Запах гари в сожженных деревьях сменился смолистым ароматом новых срубов. Новые бумажники, новые турбины, новые школы, новые дворцы рождались в неустанным труде. Могучая сила социалистического соревнования вызвала такой всенародный подъем творчества, какого еще не знал мир. Первые два года послевоенной пятилетки были выполнены досрочно. В гуще народа, в сердцах созидателей родились окрыляющий лозунг, пламенный девиз: «Пятилетку — в четыре года!»

Первомайский праздник текущего года советский народ встречает новыми подвигами. Третий решающий год пятилетки должен быть выполнен и будет выполнен в еще более короткие сроки, чем плавы предыдущих годов!

Предмайское социалистическое соревнование охватило всю страну. Со всех концов Родины поступают волнующие сообщения о новых достижениях новаторов производства, героев труда.

Во всех областях народного хозяйства опыты передовиков становятся достоянием масс. — в этом проявляется величайшее воспитательное, преобразующее действие социалистического соревнования.

Самоотверженный труд патриотов приносит прекрасные плоды. Восстановление и развитие нашей экономики идут во все возрастающем темпе. С каждым месяцем растут могущество нашего государства и благосостояние советского народа.

Одновременно с этими производственными успехами советские люди одерживают новые победы в области культуры. Духовная жизнь нашего народа богата и многогранна. Это духовное богатство отражено в новых выдающихся произведениях литературы и искусства, удостоенных недавно Сталинской премии.

Но успокаиваться на достигнутом не в правилах советских людей. Не может удовлетвориться даже самым выдающимся успехом ни шахтер, выполняющий неслыхно нормы за смену, ни бригадир, собравший невиданный урожай, ни писатель, написавший хорошую и нужную книгу.

Нет предела творческим дерзаниям большевиков! Неуклонное стремление к

новым победам — таков непреложный закон нашей жизни!

Великий Сталин, партия большевиков зовут нас преодолеть любые трудности, решать самые сложные задачи, оставляя далеко позади достигнутое ранее. Это вечное творческое беспокойство, жажда новых подвигов в свершенной — замечательное качество, воспитанное в советских людях социалистическим строем.

Сегодня во всех углах земного шара люди будут ловить позывные Москвы, слушать дыхание великой советской страны.

Силы демократического лагеря растут с каждым днем. Новые и новые победы одерживают наши друзья за рубежом, борющиеся за свои права, за свободу, за процветание и независимость своих стран против реакции, против иноземной кабалы.

Народы не хотят жить в империалистическом ярме, не хотят быть колонизаторскими рабами. Не для того пролило столько крови на полях второй мировой войны, не для того низвергнут гитлеризм, чтобы на смену разгромленным угнетателям пришли новые душители свободы, новые поджигатели войны. Не бывает этому!

С чувством братской солидарности следят советские люди за борьбой и успехами друзей.

Свидетельства роста демократических сил мы находим повсюду — и в Греции, где Демократическая армия успешно продолжает свою героическую борьбу, несмотря на бешеный террор, вопреки всем усилиям монархистов и их заокеанских покровителей; и в Италии, где, несмотря на принуждение, подлоги и обман, несмотря на постоянное давление и закликанья Ватикана, во время последних выборов Народно-демократический фронт получил значительную поддержку передовой части итальянского народа; и в Китае, где Народно-освободительная армия одерживает все новые и новые победы.

Сегодня мы публикуем письмо группы видных американских писателей и деятелей культуры, полученное в ответ на письмо советских писателей. Это письмо ярко свидетельствует о том, что, несмотря на полицейский режим, установленный в Соединенных Штатах, несмотря на клевету и дезинформацию, миллионы американцев стремятся к подлинной демократии и свободе. «Мы не допустим, чтобы наша нация погрязла в трясине фашизма», — пишут передовые американские писатели, выражая волю простых людей своей страны. «Наши враги поймут, — говорится в послании, — что наша международная солидарность во имя мира и демократии непоколебима, несмотря на их неустойчивые метания и преследования».

Таков голос настоящей Америки.

Крепнущий во всем мире фронт демократии страшист главарей империалистического лагеря. Перед лицом все усиливающейся мощи прогрессивных сил реакция теряет самообладание. Нервы господ, возмущивших себя хозяевами мира, не выдерживают. Неустойчивость империалистических кликуш, бешенство реакционной печати, бесчинство потерявших голову жандармов — все это свидетельствует об одном: о страхе перед народами, стремящимися к свободе и миру.

В то же самое время силы демократии исполнены спокойствия и уверенности, ибо они ощущают могучую поддержку миллионов трудящихся, ибо все прощис и авантюры международного империализма бессильны перед непоколебимой волей народов.

Борцы за демократию и социализм черпают свою уверенность и вдохновение в замечательных успехах советского народа, показывающего всему миру, к каким сверхающим вершинам свободы и счастья приводят страну подлинная демократия и осуществленный социализм.

Сегодня на Красной площади будут педорно присутствовать миллионы наших друзей.

На виду у всего мира мимо древних стен Кремля пройдут во всем величии боевой мощи советские воины, освободившие человечество от гитлеровского гнета и ныне стоящие на страже прочного мира, сотрудничества и дружбы между народами. Пройдут по Красной площади ликующие колонны созидателей, вдохновенным трудом утверждающих в мире торжество великих идей Ленина—Сталина.

Все взоры, все сердца с любовью обращены к Сталину, чье имя воодушевляет всех трудящихся мира на борьбу за счастье народов.

В этот солнечный день во всех концах нашей Родины звучат пламенные слова, начертанные на первомайских стелах:

— Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед, к победе коммунизма!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (2418)

Суббота, 1 мая 1948 г.

Цена 40 коп.

С. МАРШАК

ПЕРВОЕ МАЯ

Сегодня — лучший день весны. Сегодня — Первомай. Оркестры дальние слышны. В цветных флажках трамвая.

Взлетает легкий красный шар Под самый небосклон. Пылают буйно, как пожар, Полотнища знамен.

Плывут знамена на парад. Визгу скользят их тени. А много лет тому назад, В такой же майский день

Колонны шли, как на войну, И, замедля шаг, Выбрасывали в вышину Запретный красный флаг.

Сегодня тьмью огневой Расцвел Советский край. И громы пушек над Москвой Встречают Первомай!

Александр ЯШИН

На юге и на севере

В совхозе «Михайловский перевал» Уже зацвели на склонах сады. А здесь сиегодя не отбушевал. В промерзших ручьях не достать воды. Какие там жапонки, грачи!.. Из сел на поля не кажутся без лыж. Но все-таки запахи не тот в ночи. А в полдень — вот-вот и закаплет с крыш.

Длинней и на севере стали дни, Свежее и мягче сосновый лес, И так же не гаснут всю ночь огни В котлах колхозов и МТС. И кузнецам теперь не до сна, От звона, от грохота спасу нет. Пусть холод еще, Но весна, весна

На все кладет свой хозяйский след. В совхозе «Михайловский перевал» Сады зацветают. Земля поет. А в Вологде тетерева заточивал: Весна млет, Ее срок настал, И сердце сердцу весть подает.

На севере, на севере Еще стоит зима, А здесь поля засеяны И в зелени дома. Степные дали ожили, Трава гудит от пчел, Лесистых гор подножья Хмельны от свежих смол.

И в праздничные, ясные, Торжественные дни Шумят знамена красные, Пылают, как огни. 1948.

Торжественное заседание московских писателей

29 апреля в Центральном доме литераторов московские писатели собрались на торжественное заседание, посвященное празднованию Первого мая.

Заседание открыл секретарь партийной организации Союза писателей А. Софронов. С докладом «Международный праздник трудящихся — Первое мая» выступил Г. Свирлов.

С большим подъемом собрание единодушно приняло приветственное письмо вождю народов товарищу И. В. Сталину.

В заключение состоялся большой концерт.

Третья пятилетка токаря Давыдова

ТУЛА. (Наш корр.). Накануне Первого мая знатный токарь Тульского машиностроительного завода Министерства путей сообщения Михаил Давыдов закончил выполнение плана второй послевоенной пятилетки.

Стахановец-новатор начал программу 1956 года. Успех достигнут благодаря мастерскому использованию станка, рациональной обработке деталей.

обычай обмениваться предмайскими телеграммами. Вот и нынче — какой-то восторг обдувает.

Москва. Не ожидаете ли вы к Первому мая Еремину в гости? Хутор Степной. Нечего говорить, как были бы рады! Но далеко он теперь от нас. А если и прилетел бы, не узнать ему нашего хутора с воздуха.

Увидит каменные дома — и мимо. У нас, ведь, когда он пристал в войну, в колхозе только деревянные избы стояли. А с того времени выстроили мы свой кирпичный завод и из кирпичей сложили жилые дома, маслоделальный завод, гараж, мастерские, овощехранилища. Но я уже мелькнул постройкам. Ночью прилетит — тоже может обмануться: теперь весь наш хутор в огнях — свою электростанцию выстроили.

Москва. Спасибо за беседу. Феропонт Петрович. До свидания.

Хутор Степной. До свидания! Передайте через вашу газету наш колхозный первомайский привет москвичам и всей стране.

Да здравствует 1 Мая!

ПРИКАЗ Министра Вооруженных Сил Союза ССР

1 мая 1948 г.

№ 18

г. Москва

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Сегодня вместе со всем советским народом Вооруженные Силы Советского Союза празднуют Первое Мая — день смелых боевых сил трудящихся всего мира.

Советский народ встречает в этом году Первое Мая в обстановке новых побед на всех участках социалистического строительства, в обстановке большого патристического подъема.

Благодаря самоотверженному труду советских людей и правильной политике нашей великой партии Ленина—Сталина и нашего Правительства, достигнуты выдающиеся успехи в борьбе за ликвидацию тяжелых последствий войны, в выполнении послевоенного пятилетнего плана и обеспечен значительный подъем материального благосостояния советского народа.

Народно-хозяйственные успехи Советского Союза в послевоенный период вновь показывают всему миру могучую силу и неопровержимые преимущества нашего советского общественного строя, нашей советской социалистической экономики.

Выполняя программу строительства коммунизма, верные своей политике мира, советский народ и его Правительство не забывают о происках международной реакции, направленных против нашей страны и стран новой демократии, против дела мира во всем мире.

В этих условиях Советская Армия и Советский Военно-Морской Флот, призванные обеспечить безопасность советского народа, должны быть в постоянной боевой готовности и с честью выполнять свой воинский долг перед Родиной.

Весь личный состав наших Вооруженных Сил обязан настойчиво совершенствовать свои военные и политические знания, овладевать новой военной техникой, повышать бдительность и строго соблюдать воинскую дисциплину.

В связи с изменениями в личном составе Армии и Флота, вызванными демобилизацией старших возрастов, генералы, адмиралы и офицеры должны особое внимание уделить воинскому обучению и воспитанию оставшихся на службе молодых солдат и матросов, сержантов и старшин, привлекая им боевые традиции Советских Вооруженных Сил, любовь к военной службе и чувство гордости высоким званием защитника Советского Союза.

В предстоящем летнем периоде учебы — важнейшем этапе боевой подготовки войск — всем войсковым подразделениям, частям, кораблям, соединениям и военно-учебным заведениям надлежит успешно выполнить поставленные перед ними задачи.

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Воины, демобилизованные из рядов Вооруженных Сил! Приветствую и поздравляю вас с днем Первого Мая.

В ознаменование международного праздника трудящихся — приказываю:

Сегодня, 1 мая, призвести салют в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик, а также в Калининграде, Львове, в Хабаровске, Владивостоке, в Порт-Артуре и в городах-героях: Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

Да здравствуют героический советский народ и наша могучая Родина!

Да здравствуют Советские Вооруженные Силы!

Да здравствует наше Правительство!

Да здравствует наша Коммунистическая Партия!

Да здравствует наш вождь — великий СТАЛИН!

РАЗГОВОР С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОЛХОЗА

Когда редакцию соединили с хутором Степным, что в Ново-Покровском районе Саратовской области, из квартиры председателя колхоза «Стахановец» сообщили, что Феропонт Петрович Головатого нет дома.

— Выходил в Саратов, — доносился далекий голос.

— Сейчас разыщем, — сказала саратовская телефонистка. — Уверена, что он у дочки. Соединю с ее квартирой.

— Откуда вы знаете, что у председателя колхоза в Саратове живет дочь? — поинтересовались мы у саратовской телефонистки.

— А кто же не знает нашего знаменитого земляка? — ответила вопросом на вопрос телефонистка. — Даю квартиру Головатого.

Дочь Феропонта Петровича, студентка Саратовского университета, не образовала нас:

— Отец еще вчера выехал обратно на хутор. Позвоните попозже, — он к тому времени доберется в колхоз.

Через час — новый звонок. Наконец-то у телефона Герой Социалистического Труда Феропонт Петрович Головатый.

Москва. Здравствуйте, Феропонт Петрович! Просим рассказать, как встречаете Первое мая?

Хутор Степной. Здравствуйте! Праздник встречаем началом полевых работ. Весна у нас ныне запоздала. Народ рвется в поле. Прошлой осенью мы сичмили по 180—190 пудов хлеба с гектара. В нынешнем году надеемся снять больше, чем по 200 пудов.

Сегодня, как всегда в канун мая, жду телеграмму от моего воздушного «крестника» — летчика Бориса Еремину. В 1944 году в этот же день я телеграфировал ему, что кушил для него второй истребитель, который вышедшего из строя самолета, которым был первым моим подарком «крестнику» в декабре 1942 года.

Перед Первым мая 1945 года Еремину телеграфировал мне, что точно выполнил мой наказ, приземлившись на берлинском аэродроме. С тех пор и установил у нас

Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Маршал Советского Союза Н. БУЛГАНИН.

Мир движется вперед!

Когда-то, века назад, одинокий человек стоял перед судьями, и пламя костра пылающего отражалось в его глазах, — костра, готового поглотить его. Черные расы судей витали весь мрак средневековья, и фанатизм мракобесия искрился из них. Они знали, — и это было окаянное, косное знание сотен и тысяч лет, — что земля неподвижно покоится в пространстве. Из мчащегося по звездным путям, враждующего шара они раз навсегда сделали застывшую в своей неподвижности плоскость, и это был их священный символ веры.

Одинокий человек в дерзании своего испытующего разума осмелился утверждать, что земля не является неподвижным камнем. Вопреки толстым фолгантам средневековых мудрецов, вопреки авторитету Библии, наперекор германскому костру, одинокий человек, Галилео Галилей, еще раз швырнул в лицо судьям свой символ веры: — И все-таки она вертится!

Потесни костры мракобесия. Покрывшись пылью ученые лавины средневековья. А слова Галилея, познавшего истину, сохранили всю свою силу правды, и сейчас любой ребенок на земном шаре знает, что этот шар движется, плывет в пространстве крохотная частичка гигантской вселенной.

Сейчас, когда до нас доносится беспорочный хор обезумевших от новизны голов, невольно вспоминаются этот суд, это божественное упорство и титанические усилия умирающего мира противостоять истине и движению вперед ложь и окаменение изживших себя верований и форм.

Земля движется. И человек на этой земле идет вперед. И жизнь на земле идет вперед, в новый свободный мир.

Одновременно лет назад захлебнулся в крови мучительный испанский народ. Силой оружия реакция всего мира, силой золота реакция всего мира были заперты право на жизнь и свободу на Иберийском полуострове. И с торжествующим видом было объявлено, что в Испании царят «чужаки».

Одновременно лет прошло с тех пор, но не поверил испанский народ! По сей день гремит выстрел в горах Астурии. В течение одиннадцати лет не удалось ни расстрелять ни каменных плантаций торрес заглушить голос испанского революционера. В лесах и недоступных ярах срывались все эти годы испанский партизан, зная, что его час придет. Ибо земля движется, ибо мир идет вперед.

Вот уже два года сыплются на Грецию бомбы с самолетов, принадлежащих иностранным правительствам. Офицеры греческой реакции интригуют американский офицер. В Грецию плывет золото и оружие из-за дальних морей. Выхаживают греческих монархо-фашистов командуют иностранные, заграничные командиры.

На маленькую горную страну обрушились мировые державы. Колоссы встали на борьбу с маленькими странами. Казалось, в несколько дней они поставят на колени греческий народ.

Но вот, два года спустя, три четверти территории Греции находится под контролем греческой патриотической, солдатской, крестьянской и фрунтовой, сильнейшей американской самолетов и разнообразной техники уничтожения оказалось стремление к свободе, несокрушимая воля идти вперед, к счастью человечества.

Больше двадцати лет продолжается борьба в Китае. Когда китайский беженец, будучи, угнетенный отечественными и иноземными эксплуататорами, пожелал жить человеческой жизнью, ему объявили смертельную борьбу отечественные и чужеземные эксплуататоры. Они хотели, чтобы в «жестком государстве» все было по-прежнему — так, как тысячу лет назад.

Однако воли и стремления китайского народа не сломали ни ката отечественных угнетателей, ни завоевание господства японскими войсками, как гибнут от ядовитых людей в их роковых странах, и когда не жалелись золота и оружия, чтобы

заковать в цепи, чтобы прервать в своих слуг и рабов народы.

Китайский народ борется. Китайский народ идет вперед. Китайский народ побеждает. Ибо земля движется, и перед ней один путь — вперед, к лучшему будущему, к истине, свободе.

Сейчас много говорится о железном занавесе. О железном занавесе, которым мы, якобы, отгородились от остального мира. Этот железный занавес существует лишь в порочной фантазии жандармов и поджигателей войны.

В действительности есть, уже долгие годы реально существует иной железный занавес, занавес, выкованный из клеветы и лжи. Долгие годы реакционеры пытались опустить его между нами и трудящимися мира. Десятилетиями они тщательно прорабатывали этот занавес все пути, пытались не допустить до слуха трудящихся мира ни одной вести о том, что у нас делается. Они хотели, чтобы к ним не дошло слово ах и оле, где работают колхозники, стук машин с советских заводов, веселый шум из школьных зал, где учатся наша молодежь, и радостный смех из детских садов, где играют наши дети.

Линкой черной струей лилась река лжи, — в книгах, газетах, на собраниях, в театрах и кино отравляли души трудящихся. Инквизиторы публично обвиняли нас во всех преступлениях, но в глубине души не верили в нас: за то, что мы доказали, что земля вертится, что мир идет вперед, что перед человечеством лежит не тупой тупик, а прекрасная, широкая дорога вверх, по которой мы идем уже тридцать лет.

Этот железный занавес не выдержал ударов истории. Его сорвал солдат Советской Армии. Через границы, переставшие существовать, он, советский солдат, пошел в мир светлости от великой правды. Он повеял весть об отечестве трудящегося человека, о стране социализма. Он показал миру мужество советского человека, его прекрасную душу, его великий ум, его безграничную верность и преданность, его бескорыстие, самоотверженность, уважение к людям и народам.

И до глубины души ужаснулся суд черных инквизиторов. Ужаснулся больше, чем тогда, в 1917 году, когда он еще обвинял себя надежды, что Советский Союз не выдержит, не устоит, рухнет.

Все эти расчеты были зачеркнуты. Гитлеризм пал, побежденный рукой, горем и мозгом советского человека. Советский Союз вышел из войны победителем, гордо бегущим вперед. Он вышел из войны счастливый и сплоченный, и не успел еще отстрелить оружие, как снова волею за работу, за строительство, победным маршем двинулся вперед по пути к коммунизму.

И тут все темные силы мира снова припалили ухерно чинить разорванный занавес. Снова поднялся потоп лжи, лезли из недр нечестности.

Ибо стражи охотничьих форм, жрецы умирных верований тупо, неспособно примирялись с тем, что в одной части мира трудящиеся человек живет свободным, что там правит народ и человекская жизнь движется вперед мощно, неумолимо.

Сейчас роль темных сил, их положение труднее, чем когда-то до нас было. И именно потому, что существует эта неслучайная часть мира. Ибо мы неуклонно идем вперед по пути прогресса.

Они противостоят хитрым лапам и странной новой демократии. Они по той же причине стали хотеть свести землю для пользы своих помещиков, шахты — для рудных компаний, заводы — для капиталистического хозяйства.

Но вышло. Не могло выйти. Ибо мир неуклонно идет вперед.

Итальянскому народу бросали бревна по ногам. С липневыми войсками и демократическими войсками бомбили города, которые отступили большинство голосов коммунистам. С криком о демократии и сво-

бодом волеизъявления, мешками золота покупали слабых и продажных, поднимали с постелей умирающих, пользовались услугами агентов в рясах. Сообщение итальянского министра внутренних дел о том, что порядок во время выборов охраняют 400 тысяч солдат и полицейских, достаточно красноречиво говорит о том, как происходили выборы в Италии. Демократия среди скрежета тансов, патрулирующих по улицам, свободное волеизъявление под тенью атомной бомбы, честность, бряцающая иностранным золотом, — вот методы инквизиторов, стремящихся сечь на костре все, что движется вперед.

Свыше восьми миллионов голосовавших, однако, не испугались бомб, танков и вооруженной полиции, не позволили соблазнить себя блеском долларов. Эти восемь миллионов — люди действия, люди твердых убеждений, люди будущего.

Нужно сказать, что после многих лет власти Муссолини, когда погибли в борьбе лучшие, когда в ладах выражали малолетние поколения к протесту, когда Италия утонула в крови рабочих, после тяжелых испытаний войны итальянский народ перед лицом предвыборного террора и паники достаточно ясно высказал свою волю и свои взгляды. Итальянский народ также идет вперед, и его не задумит ни отечественное, ни иностранное насилие, ибо его вера в его стремления соответствует законам жизни, законам вселенной, которая движется, движется вперед. Это только доказывает, что уроки жизни не проходят даром. Значит, земля не только вертится, но можно сказать, что она не зря вертится и что она имеет свой путь вперед, к своему лучшему будущему — пусть вымается мировая реакция в эти прекрасные слова товарища Молотова.

Казалось бы, что кампания, столько лет продолжавшаяся, как океан, все разрастается, вытравив там из человека все, что мы привыкли называть именем человечности. Когда мы перелистываем книжки, которыми пишет Америка свою молодежь, когда мы смотрим фильмы, на которых эта молодежь воспеваются, когда мы проглядываем газеты, которые ей дают читать, — нас невольно охватывает страх: что может выйти из такой молодежи?

Но когда профессора Паркера из Эвансвилльского колледжа в штате Индиана пишут профессору за то, что он преследовал на митинге поддержку Уоллеса, — в защиту Паркера демонстрировали 800 студентов колледжа.

При дополнительных выборах в палату представителей от 24-го округа Нью-Йорка представитель американской рабочей партии без труда победил кандидатов демократической, республиканской и либеральной партий. В комитет поддержки Уоллеса совместно работают рабочий и интеллигент: в стране, где лижут шпатель, где существует отчаянный трамвай для черных, сторонники Уоллеса заседают в одном комитете с неграм.

Мир банкротских униз, мир богатства, привилегированных семей, личная жизнь, буржуазной прессы и безалаберных гагетеров лжебожества. Его подкапывает, вырывает, против него выступает свободный человек, который не признает власти золота, не признает расовых предрассудков, не пугает жалкой войной и не считает советского колхозника врагом советского ученого своим врагом.

В первый день мая, день, когда трудящиеся всего мира отмечают свой праздник, свободный человек становится против темных сил, поджигателей инквизиторских костров, и громким голосом говорит:

— Мир не пребывает в неопределенности. Мир идет вперед. Вперед, выжить, к свободе, к счастью. Свобода бон и труд, сводок мук и усилий идет свободный, борющийся за свободу человек. И доблест. Ибо такой высший закон жизни, закон вселенной, закон истории, которая, как река, течет в одном направлении.

Андрей МАЛЫШКО

Все румяней, все ярче нес пламеннейший край, По колхозному полю идет молодой Первомай. Загорелый, обветренный, как тракторист, чернوبر, Веса в синей сине, в зеленых знаках дубов. Видны, лента Днепра на широких тропеях плеч. Блещут заводи Волги у юности в синих очках. Мариупольский домик и домы уральской огонь. Светлобрызгом жаром ложится ему на ладонь. Запост, — соловьи заливаются в лад, и звучат Из окна комсомольского клуба напевы ледчат. И десет земли в глубине золотой урочай. — С добрым утром, товарищ! Как имя твое? — Первомай! Он салит на трактор, и в землю презается плуг, И по струнке идет, так, что поле вымется плуг. Звонкие дождики! — Взгляните, какой молодец! Работай, красавец, должно быть отчаянный боец! А ему — по земле бесконечной далеко идти.

Анатолий СОФРОНОВ

В нынешние предмайские дни мне вспоминается далекая весна. Донская степь еще в своем мареве. На окраине города Ростов, за рощами, оживающими рабочими поселками, появились люди с теледунками, в степи были разбиты брезентовые палатки, в деревнях, сколоченные из сениных досок, мастерские. Загрохотали экскаваторы. Появились первые котлованы, первые сены. Пришли бетономщики, землекопы, каменщики, слесари, котельщики. Строился Ростовский завод сельскохозяйственных машин.

Поклоение, не успевшее пройти школу гражданской войны, здесь, на дачах первой пятилетки, проходило свое «университетское», получало общее, политическое и гуманитарное образование.

Уже в неспу тридцатого года, когда по крышам нескольких домов были привезены стелы, ударные бригады на строительстве Ростовского отключал к майским дням свою первую годовщину.

Что нам принесло социалистическое соревнование, ударничество, как тогда говорилось? Мы, восемнадцатилетние и двадцатилетние юнцы, почувствовали на себе ответственность не только за конкретное порученное дело, но и за весь завод, за каждый его участок. Монтируя пелли, мы, может, тогда и недостаточно четко представляли значение своего дела в общем строю промышленности, но то был наш пах, мы уже чувствовали себя в нем хозяевами!

смуненно улыбаясь и дая на ладони, как бы оправдываясь, говорил:

— Отвек от обиды... вот рупя содрал. Можно и больше дать... — по его уже подхватили на руки и поспели к самодеятельной трибуне.

Борискин понял: болгары жут, чтобы он им рассказал о том, что же такое сталиновское движение. Теперь они уже сами ощущали внутренний смысл того, что значит быть сталиновцем.

Борискин говорил о разделении труда шахтеров, о том, что в Советском Союзе добыщик только рубит уголь, а пробуравку штуров и подкачку пласта исполняют другие рабочие. Он говорил о том, что подготовка рабочего места в советских шахтах делает одна смена для другой — добыщик, приходя в забой, начинает рубить уголь, не теряя ни одной лишней минуты. Затем он ознакомил шахтеров с механизированным методом, позволяющим добыщику максимально использовать свою рабочую смену.

Это была первая лекция из многих, что Борискин прочитал в Пернике. Опыт советского шахтера начал быстро распространяться. Болгарская печать, в частности, орган горняков «Рудничар», посвятив несколько статей его методу, чтобы и шахтеры отдаленных рудников могли использовать опыт советского человека. Борискин рубил уголь бок о бок с болгарами, он показывал им, как работать расширенным фронтом в забое, как организовать смену, как простуживать уголь опрельотв строение пласта, чтобы легче было брать.

Перник превратился в школу сталиновского труда.

Советские шахтеры пробывали в Болгарии около двух месяцев и видели первые плоды, которые принес их труд. Молодые болгары Дмитрий Стойков, Симеон Димитров, Александр Русанов в шахте «Панча» стали выполнять нормы на 1150—1300 процентов, сорняк Великов и Христова приближались к 2000 процентов. А Любен Стаменов и Петр Азовов достигли двадцати пяти норм за смену. По всему Пернику распространялось соревнование, добыщик соревновался с добыщиком.

Планку худ. В. КОРИНКОГО.

ПЕРВОМАЙ

На мосты на днепровские нужно взглянуть по пути. На Крещатике в Киеве густо сажают деревья. На завод «Большевик» завернут бы-там ждут молодца. Ждет его с нетерпением родная сестра Беларусь. Ждет его ленинградцы, — попробуй, скажи, — не являйся! Для него лесорубы сплетают из дуба венки. Несет ина его манушечки в Туле станки. Мчитесь в поезде он — и гудят паровозы в нощах. Он на лопаты глядит — отражается пламя в очах. Он стоит у Кремля, под стеной поселков, как дым. И знаменитые бессмертные ветер колышет над ним. Я прошу его в гости ко мне завернуть хоть на миг. Мы, обновившие, как братья, подем по стране напролом — Видеть землю советскую в грозах, в дерзавых жимах. Слышать пенные птиц, голоса молодых звонких. Слово дружки внимать, и беречь, и растить урожай. И Отчизну любить — свой бессмертный, сияющий край. Перевела с украинского В. ПОТАПОВА.

Хозяин государства

Эти попытки тысячи моих сверстников — покосление, сформировавшиеся в тридцатые годы.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Завод Ростовский дал нашей стране десятки тысяч комбайнов, сплотовало, плугов, сенокосов. Немцы за короткий срок оккупации разрушили завод.

Сейчас Ростовский почти полностью восстановлен. Не так давно мне пришлось быть в том самом пеще, в котором я работал в тридцатые годы. Он был восстановлен завод, по так точно, что заметить перемену было почти невозможно. Я встретил старых друзей по комсомольским годам. Воль огромного пеще медленно двигался комбайн, на котором стояли еще не оканчившие комбайны. Я пошел к комбайну. Мне хотелось посмотреть, так ли я на том же самом месте стоит как балла, который я некогда фреерола. Сменил профессию слесаря на фреерола. Вал стоял на том же месте. Но около комбайна я услышал разговор, который привнес мое внимание. Разговаривали двое сорбиков. Я прислушался. Старший выговаривал мажущему.

— Ралье так затягивают... Ата все к черту полетит... Да нет, ты посмотри, ты не отворачивайся, — сорбик тянет своего собеседника куда-то внутри машины. — Придет на Алтай, да вдруг герю как-то муштует твою работу, а герю скажет: «Ах, раздолье, раздолье, работничка». Мы перед Алтайм отвечаем, понимаешь? — Да, понимаю, — отвечал ему молодой

парничка в законченной спешковке, видимо, из демобилизованных: из-под его спешковки выпала была такая же замасленная гильберта. Ему стало стыдно, и он полез внутрь комбайна, грея гасный ключом.

Этот случайный услышанный разговор глубоко запал в мою память. Он снова возник уже совсем недавно, когда, будучи в Ленинграде, я услышал, как партийный работник, советский писатель похвалить на один из ленинградских заводов, говорил:

— Вы понимаете, что значит сейчас социалистическое соревнование? Стахановцы этого завода отдают перед Днепростроем, и оттого, что они знают, для кого работают, они особенно ответственно относятся к каждому агрегату.

Да, это уже новое качество социалистического соревнования, выражение коммунистического сознания, и опять-таки оно выплывает в труде.

Сейчас уже каждый стахановец стоит на государственной высоте. Он хозяин не только своего стака и пещи, он — хозяин государства. Всего государства! Вот какой путь прошло социалистическое соревнование, как изменилось сознание советского человека, работничка, трудящегося.

Наш взор, наше сознание всегда обращены вперед. Мы все в отлом ряду — рабочие, крестьяне, интеллигенты — коммунисты и беспартийные протектываем заводу в заграничный день. Мы вникать этот день, он будет прекрасен и полнокроен. День коммунизма, подготовленный ежедневным нашим трудом, полнокроен советского народа.

В ответ я расказала ей о Семёновце, Ивине, Кривовоце и других простых советских людях, достигших больших высот.

— Я их не знаю, — вздохнула мать. — Но я верю тебе. Я верю, что и мой Христо станет большим человеком. Ты много сделал для нас, пусть бог дарует тебе счастье. И сохрани хоть маленькую память о матери, которая тебя благословляет.

— Это счастье в мои руках, мать, — ответил я. — Свободные люди — хозяева своего счастья.

Борискин на секунду замолк. — Дальше вы сами знаете, что было. Я вернулся на родину, и очень скоро учитель превратился в ученика. А сейчас начало бывать то, о чем мы говорили с Катериной Стойчевой. И мне хочется написать ей... — Борискин улыбнулся. — Конечно, не для того, чтобы похвалить: мол, вот куда шагнул... нет! По вей они вник в нашей судьбе свою судьбу: что достигнуто нами сегодня, будет завтра достигнуто ина. У нас никого не удивляет, когда простой деревенский парень становится инженером, директором, но для Катерины Стойчевой в этом — завод большой судьбы ее сына. Вы даже не представляете, как внимательно и любовно следят они за нашей жизнью. Недавно пришло письмо от одной болгарской девушки: «Наша мечта егда отиел на социализация в СССР», — это голос всей болгарской молодежи. Запечатываем ребята. У них наша хватка. Сейчас они строят город Ленинград вроде нашего Сталингорка, где будет химкомбинат, и электростанция, и большие светлые дома для горняков, школы, клубы. Ну, прямо, как паш Сталингорск, — повторял Борискин и даже поглядывал в ту сторону, где электрическое зарево озаряло небо.

Всегда, встречая Первомай, мы были сердцем с нашими друзьями из рубжон. Теперь наша дружба подкреплена новыми великими делами. Наши люди горды тем, что они несут трудящихся освобожденных стран опыт своего труда, опыт борьбы за большое человеческое счастье.

Юрий НАГИВИН

В предмайскую ночь

В Донском каменноугольном тресте только что состоялся торжественный выпуск школы горных мастеров.

Молодые стахановцы-забойщики подошли вполголосе к овладению инженерской профессией. После шестимесячной учебы они возвращаются в забой и лавы хозяйствами целых участков. Старосту учебной группы Леонтия Борискина выдвигают даже на должность начальника шахты.

Леонтий Борискин — один из самых прославленных людей Подомосковного угольного бассейна, зачинатель многозабойного метода.

Ночью ушли на-за терроризма, высеивая зеленоватым серебром его конусообразную вершину.

Слева, где виднеются по-почному грубые массивы домов и заводов Сталингорка, неслыханно висит в воздухе огромное облако света. Это Сталингорская ГРЭС световой шапкой покрывает плустральный центр, созданный пятилетками.

Мы подходим к дому и садимся на перила террасы. За ставнями дома — темная и сол. Из-под навеса в глубине двора явственно отражают свет луны фарты «моксенца». Таховки погримыхивает пещи молодая овчарка.

— Да, — говорит Борискин, видимо, отвечая на свою мысль. — Теперь я должен написать Катерине Стойчевой... и на мой молчаливый вопрос он поясняет: — Это старая болгарская женщина...

Он снова замолкает, и я не прерываю молчания. Я стал для него уже случайным газетным корреспондентом, а тем нотным спутником, которому человек с переполненным сердцем может открыться, как близкому другу.

И действительно, Борискин заговаривает: — Вы знаете, что год назад я был в Болгарии?

— Доводилось читать об этом в газетах...

Я вижу, как в темноте свернула его улыбка.

— В такой день, как сегодняшний, хочется говорить и думать о хорошем, а это было хорошее дело в моей жизни.

И он рассказывает мне историю своей дружбы с болгарскими шахтерами.

В тридцати километрах от Софии, в долине, окруженной курчавыми горами, лежит старинный болгарский городок Перник. Когда глядишь на долину Перника с самолета, она представляется шахматной доской с зелеными и черными квадратами — между островками зелени чернеют устья шахт и обнажения глубоко залегающих угольных пластов. Свыше шестидесяти лет велась здесь добыча каменного угля. Из года в год с окрестных холмов и близлежащих селений по утраченному часу тянулись к шахтам толпы утруемых людей в залатанных костюмах домашнего покроя, а редкие пчелы, через плечо — сумка с провизией.

Валезным шахт не были заинтересованы в новой технике, в создании человеческих условий труда. Угля в Пернике было много, рабочая сила стоила гроши.

В освобожденной Болгарии угольная промышленность была национализирована, человек с ошукном в жалтых руках стал хозяином недр своей земли.

Поэтому когда по приглашению болгарского правительства в профсоюз в

Софию вылетела делегация советских горняков.

К этому времени шахтеры Болгарии уже добились первых крупных успехов. Молодой Александр Стояков поднял знания ударничества, выдвигая за смену на-гора две нормы.

Его примеру последовало множество молодых шахтеров Перника. Но их скромные достижения все же не решали исхода борьбы за уголь.

Когда Борискин и его товарищи впервые спустились в шахту, они были неприятно поражены. Под землей советских мастеров ожидала картина, знакомая лишь по рассказам старых шахтеров. В лавах и забоях не было ни буровых машин, ни даже отбойных молотков, ни электросверл. Вся работа велась вручную, шпуров делались буровом, похожим на пилотор, обивавшая уголь простыми обухом.

— Хотелось снять шапку перед Стояковым и другими ребятами, — сказал донесший горняк Панасенко, когда советские шахтеры поднялись наверх. — В таких условиях — и две нормы!

После этого осмотра Борискин едва мог дождаться того дня, когда, обрядившись в шахтерскую одежду, он спустился в шахту уже не лаболителем, а тружеником. Очень хотелось помочь болгарским ребятам, чей труд был настоящим подвигом. Он вооружился простым обухом: надо было показать болгарским шахтерам, как можно работать и при паливающей технике.

Шахтеры Перника в этот день спорили между собой, стараясь угадать, что сумеет сделать в болгарской шахте русский шахтер.

— Вы увидите, он даст пятьсот процентов!

— Эй, куда хватил. Христо! Ну, двести-триста, куда ли пла, но пятьсот!

Когда смена кончилась и на доске показателя появилась цифра, преобладающая всех: 1500 процентов, пятикратный дневных норм, — Борискина встретили овацией. Шахтеры аплодировали, тинулись к нему, чтобы похвалить его мужество, вышедшее его только по портрету, удивлялись, что он не глумит, а человек обычного сложения в силы. Борискин,

За мир и демократию!

Ответ американских мастеров культуры советским писателям

«С кем вы, американские мастера культуры?» — спрашивали в своем обращении, напечатанном в № 39 «Литературной газеты» (1947 г.), советские писатели: В. Васильевская, В. Вишневский, Б. Горбатов, В. Казеев, А. Корнейчук, Л. Леонов, Н. Погодин, К. Симонов, А. Твардовский, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов. Мы печатаем ответ на это обращение, подписанный тридцатью двумя прогрессивными писателями, художниками, артистами, композиторами Соединенных Штатов Америки.

Некоторые время тому назад вы направили открытое письмо писателям и деятелям культуры Соединенных Штатов. Вы выражали беспокойство за судьбы человечества, которому снова угрожает война, разжигаемая правящим классом. Вы спрашивали, почему большинство наших писателей, художников, ученых и учителей не выступают против тех, по чьей воле кровь льется реками в Греции, Индонезии и Китае. Вы призвали нас защищать мир, за который борются простые люди во всех странах и который они желают сохранить. Ваше письмо говорит нам, что вас не ввели в заблуждение холостые выстрелы нашей печати и радио, а также громкие призывы наемных плакатщиков над пропастью — вся эта кошачья музыка, которую выдают за «голос Америки». Вы знаете, что простые люди в нашей стране не хотят превратиться в чудовище, подманившего над Хиросимой, в средство порабощения всего мира. Они не дышат ненавистью, ужасающей человечество. Они также являются жертвами эксплуататоров, которые надеются превратить Америку в «Четвертую империю».

Ваше обращение к нам внушает огромную надежду нашему народу, стремящемуся добиться правды. Мы поможем ему ответить на ваш призыв тем, что мы будем говорить, писать картины и книги о простых фактах и о путях к миру, обращаясь к народу с правдивым словом, разоблачающим неумную ложь. Мы хотели бы ответить вам от имени всей интеллигенции нашей страны. Но разум также имеет своих предателей и людей, потерявших для него. Есть люди, которые готовы кричать лезущим, чтобы заслужить похвалу или получить то, к чему единственно стремятся их души, — деньги. У них только одна задача — разуваться в том, что их хозяева могут быть чудовищами ради прибыли. В Германии люди, подобные им, заявляли: «Этого не может произойти здесь». В Америке они кричат о мире, взгромоздившись на горы трупов греков и китайцев, они хвалятся равенством перед законом в целях негритянским народам и лепечут о дружбе с еврейским народом, который снова переживает страдания. Они надеются, что красивые слова послужат оправданием убийства.

Честные представители интеллигенции не будут подражать этому лживому племеню. Выступление голливудских писателей-сценаристов и кинорежиссеров в комиссии по расследованию антияпонской деятельности явилось испытанием их мужества. Ученые противятся превращению их знаний в орудия счастья в орудие ужаса. Деятели просвещения протестуют против превращения университетских спортивных площадок в плацы для муштры. Тысячи деятелей культуры начинают понимать, что травля Ганса Дейслера в США и оштрафовка Перуа в Китае связаны между собой и что запрещение въезда в нашу страну украинским певцом Зоем Гайдой и Ивану Патернианскому, а также мексиканскому художнику Гуэрро и бразильцу Нимейру и арест ученого физика Ирен Жоллио-Кюри представляют преследования, которым подвергнутся и сами деятели американской культуры.

Растущая поддержка кандидатуры Уоллеса среди американской интеллигенции свидетельствует о том, что она пом-

нит о своей истории. Об этом помнят также миллионы американцев, которые уже присоединились к движению народной партии в защиту своих основных прав и самой жизни. Разве мы не называли нашу страну колыбелью свободы? Наши величайшие писатели служили зеркалом, смотря в которое, каждый человек мог испытать свою совесть и узнать, стоит ли он на стороне угнетателей или на стороне угнетенных. Наш рабочий класс не раз боролся за прогресс человечества. Мы никогда не забудем этого и не допустим, чтобы наша нация погрязла в трясине фашизма. Мы также не забудем банкиров, финансировавших Гитлера. Сейчас мы видим, как они вытаскивают для управления Германией тварей, которым место под землей, палачей, замучивших миллионы людей, кошмарные призраки из Тевтобургского леса. Мы видим, как они лгут японским фашистам и феодалам и свирепствуют в корейских тюрьмах-бойнях. Они хотят, чтобы все земли оккупированных наций шли к ним и чтобы в таком воинственном духе воспитывалась наша молодежь. Они презирают об урановых вулканах, воспламеняющих землю. Мозг из металла, сердца, похожие на стальной горшок, — такой честный человек среди нас может оправдывать таких людей?

Наши капиталисты остро сознают силу культуры. Они хотят указать нам, что следует и чего не следует говорить в защиту их системы. Нам президент присваивает себе роль художественного критика. После нескольких элементарных уроков он самоуверенно оскорбляет художников. На обеде в Вашингтоне знатоки с Уолл-стрит восхваляют фигурным тортом, названным «Атомная бомба». Они могут даже дать приказы, приговорами этот шедевр. Но американские художники знают, чего стоят эти поклонники культуры. Если книга не приносит шестипроцентной прибыли, если симфония не привлекает покупателей билетов, это не искусство. Стихи и музыка, используемые в радиопередачах государственного департамента на Европу, нередко созданы людьми, которым на протяжении всей их жизни пренебрегали и которых презирали лицемеры, сейчас делающие вид, что они почитают их. Покровители де Голя и де Гасperi испытывают лишь презрение к творческому труду и страх перед ним.

Мы знаем, насколько по-новому смотрят на деятелей искусства в нашей стране, где они окружены любовью миллионов людей и где им предоставлены средства для выполнения их общественного долга. Мы хотим разделить с вами этот долг. Мы будем работать во имя дружбы между нашими народами. Любя свою страну, мы будем помогать показывать нашему пробуждающемуся народу подлинную природу и источник ужасной угрозы. Мы надеемся, что ваше письмо и наш ответ послужат началом тесной плодотворной связи между нами, которая даст нам возможность обмениваться мыслями и выступать совместно против голоса смерти. Наши враги поймут, что наша международная солидарность во имя мира и демократии непоколебима, несмотря на их неистовые метания и преследования.

В день наступающего 1 мая мы жмем вашу руку, руку всего человечества.

Нелсон Элгрен, Джеймс Аллен, Герберт Антекер, Томас Бола, Уолтер Бернштейн, Элла Бесси, Марк Блишштейн, Б. А. Боткин, Ричард Бойер, Ллойд Браун, Арно Д'юссо, Филип Эвергуд, Говард Фаст, Бен Филд, Сидней Финкельштейн, Барбара Гайас, Роберт Гутсон, Чарльз Хамболд, В. Джером, Меридель Лесур, Рэй Лев, А. Б. Мэдхилл, Карлтон Мосс, Джозеф Норт, Айсдор Шнейдер, Говард Сельсам, Сэмюэль Силлен, Рафаэль Совер, Ира Уоллак, Теодор Уорд, Макс Вебер, Дикси Уилкерсон.

Весна болгарского народа

Над нашей молодой республикой — весна.

От Дуная до Странжа-гор и от Черного моря до реки Струмы земля исклещает новой жизнью. Миллиарды деревьев в цвету; разбросанные на зеленых холмах, они напоминают леопардов в пестрых нарядах. По всей Фракии перебиваются волнами дождя ивы. Над отрогами старых Балкан плывут благодатные дождевые облака...

«Хороша страна Болгария» — поется в русской песне. Болгария действительно прекрасная страна, варо которой долгие века находилась под пятой грубых завоевателей, стояла под властью иноземных и отечественных хищников. Но болгарский народ вел непримиримую борьбу с этими поработителями, борьбу, отраженную в его чудесном героическом эпосе. Какая гордость и какое достоинство звучат в гайдуках народных песен!

В Болгарии сейчас весна не только в буквальном смысле слова. Она также в сердцах и душах граждан моей страны, в

Людмила СТОЯНОВ

стройном шаге и бодрой несне молодежи, в трюсе сотен тысяч работников полей и фабрик — бригадиров, ударников, рационализаторов, творцов новой демократической культуры. Их сердца преисполнены восторгом и надеждой, а в глазах воля и решимость. Сознание светлого завтрашнего дня, восторга над родной страной, воодушевляющее их.

У нашей страны сегодня — новое, молодое лицо. Какая чудесная перемена! Еще недавно добыча агрессивного пангерманизма, Болгария сейчас будто рождается вновь. Страна встает из нищеты и расправляет плечи, чтобы строить новую жизнь. Народ стал сам хозяином своего счастья, и теперь он охоту за другой разбивает цепи прошлого и отбрасывает прочь устаревшие моральные и политические предрассудки. Народ знает, что тво-

рив новую жизнь, творит социализм. Мрачные призраки прошлого исчезают под лучами весеннего солнца, под пламенным взглядом победившего народа...

Когда на первом майском параде выйдут колонны трудовой Болгарии, когда на улицах зазвучат песни братства, мира и славянской солидарности, над нашими праздничными колоннами будет витать вдохновляющий пример Советского Союза и образы любимых народом вождей — Георгия Димитрова и Иосифа Сталина. Эти образы с любовью хранит в своем сердце каждый болгарский рабочий.

Наша маленькая страна чувствует себя сейчас как бы выросшей, окрепшей. Это потому, что она живет своей весной, потому, что она может вместе с непобедимым Советским Союзом участвовать в строительстве мировой и счастливой жизни для всего человечества, потому, что она знает, что мрачные призраки прошлого никогда уже не вернутся.

СОФИЯ. (По телеграфу).

Мария МАЙЕРОВА

Наша победа

Первое мая 1948 года в Чехословакии будет самым прекрасным и самым радостным праздником труда за всю историю нашей страны.

Много лет назад впервые блеснули перломаски искры, разгоревшиеся воедательства в светлое и яркое пламя. Идея международной демонстрации за права трудящихся была воспринята чехами с величайшим энтузиазмом.

Чешские земли входили тогда в состав Австро-Венгрии, и мы, чехи, жили в условиях полицейского государства, которое жестоко карало за каждое свободное слово, объявляло рабочих заговорщиками, если они собирались воем или второем для того, чтобы поговорить о своих нуждах. Политика строго следела за работой газет, проверяла редакционную почту и держала на учете каждого подпписчика.

Недавно мне довелось побывать на заводе имени Сталина, находящемся в одном из северных районов Чехии. Старейший рабочий этого завода рассказал мне о том, как в те давние времена полицейский обыскивал его с целью обнаружить у него рабочую газету. Однако, несмотря на террор и преследования, рабочие тогда реинили, что впереди будет праздновать Первое мая вместе со всеми рабочими мира.

В газете «Народные листы» сотрудничал крупнейший чешский поэт Ян Неруда. Для него работа в газете была источником существования, позволявшим заниматься поэзией, создавать свои бессмертные стихи. Неруда писал о театре, о литературе, о своих путешествиях, создавал юмористические картины из жизни городской улицы и деревни. Он видел в Первом мая 1890 года — первый чешский май. Вот что Неруда писал о нем:

«...Мы дождались его. Мы были свидетелями самого замечательного первого мая в нашей истории!... Спокойным, железным шагом маршировали 1 мая 1890 года рабочие батальоны: бесчисленные, необходимые, они явились в людской поток, чтобы встать на один ряд с нами в благодарном человеческом целом... Это был шаг могучий и неперемолвимый, как волны океана. Блуждал, кто это видел, тот понял его силу...»

Особенный день! Такой тихий, пасмурный. Улицы выглядят по-новому. Не видно кричащих головных уборов. Не видно экипажей и даже протекторов. Никаких господ. Никаких дам. На улицах только

те, кому это необходимо, а среди них и мы, которых рабочие ошибочно принимают за господ. Но подлинных господ — в колонне рабочих.

Вдруг толпа начала валить от Прашской браны. Это шли рабочие с собрания, которые происходили в Карлине. Красные знажки, красивые галстуки... Те же цвета, которые развевались над головами гуситов. Эти же цвета высятся сегодня над головами борцов за гражданские права. Массы валут.

Таков был наш первый чешский Первомай. Поэт навсегда сохранил для нас его сияние, его великое значение.

Последавние затем первомайские праздники не были такими же мирными. Уже в 1891 году произошли аресты. Май 1892 года повлек судебный процесс над прогрессивной молодежью.

В нашей стране, как и везде, майские торжества являлись выражением требований рабочих, этапами в истории рабочего движения. Из года в год силы рабочих росли. В 1898 году накануне 1 мая в Национальном театре в Праге состоялся специальный спектакль для рабочих. Такие спектакли повторялись. Рабочие поэты перед началом спектаклей произносили монологи.

В 1906 году в Праге состоялся драматический спектакль — множество гобраней. Демонстранты несли знамена и лозунги. В Первом мая 1914 года у нас впервые пели «Интернационал».

После окончания первой мировой войны

Хорхе АМАДО

В борьбе за независимость

Хорхе Амадо — известный перуанский брауильский писатель, находившийся сейчас в Париже.

С каждым днем давление американского империализма становится в Бразилии все более циничным и отвратительным. Правительство Дутра не только фактически утратило всякую независимость, но даже не сохранило ее видимость. Приведу для примера хотя бы следующий факт: накануне того дня, когда Верховный суд вынес приговор о запрещении бразильской коммунистической партии, командующий американскими войсками в Бразилии отдал приказ принять меры предосторожности — о решении Верховного суда ему было известно заранее...

Вы спросите, откуда в Бразилии войска США? Им, конечно, не подается находится там, но американцы сохраняли на нашей территории много военных баз, и, разумеется, их занимают вооруженные силы США.

Когда под давлением народа бразильское правительство во время войны приняло решение выступить на стороне союзников, президент Варгас вынужден был согласиться на возвращение в Бразилию политических эмигрантов и раскрыть двери тюрьмам перед политическими заключенными. Демократические силы страны организовались и укрепились. Национальная ассоциация бразильских писателей сыграла значительную роль в развитии демократического движения. На первом съезде Ассоциации, в январе 1945 года, писатели потребовали введения демократических свобод.

Писатели Бразилии всегда участвовали в борьбе своего народа за лучшие условия существования. Такова давняя традиция нашей литературы.

В октябре 1947 года состоялся второй конгресс Национальной ассоциации писателей. Конгресс потребовал осуществления конституции, вынес резолюцию, требующую экономического распределения Бразилии и отмены запрещения компартии и протестов против преследования прогрессивных писателей и журналистов.

С тех пор положение бразильских писателей значительно ухудшилось. По настоянию американских агентов полиция удушила свою активность. Не так давно запрещены две пьесы Нельсона Родригеса. Писатель Багидо Портинари вынужден был эмигрировать в Монтевидео. Видный поэт Айдадо де Кампо Ферраз был осужден на шесть месяцев тюрьмы. Полиция преследует известного журналиста Рафаэля Корредо де Оливейра за то, что он осмелился писать статьи, направленные против США.

Правительство Дутра усердно способствует экспансионистской политике янки в области культуры. Страна наводнена книжками и журналами на португальском языке, издаваемыми в США, кинофильмами Голливуда. Теперь у нас официально объявлена кампания за искусство, «совершенно отличное от политики».

Должен сказать, что у писателей эта кампания не имеет успеха. Наоборот, художники и литераторы все активнее участвуют в борьбе за политическую независимость Бразилии. Весьма показательный факт, как выступление в компартию известного романиста Хосе Геральдо Вейра, а также писателя Грасиано Рамоса и Ласеано Мадридо, художников Хосе Пагетти и Грасиано.

Все мы сознаем, что главная задача бразильской интеллигенции — без устали бороться за установление таких экономических и политических условий, которые обеспечат нам нашему народу свободу и независимость.

Что касается меня, то в настоящее время я работаю над большим романом о Бразилии, охватывающим период с 1941 года по настоящее время. Я хочу показать великую эволюцию нашего народа и его борьбу за свободу. Может ли быть у литературы задача более благородная, чем помочь массам осознать важнейшие проблемы их существования, их силы и историческую роль!

ПАРИЖ.

Этот праздник из года в год становился все радостнее и мужественнее. Чешские рабочие создали коммунистическую партию. Первомай компартия была чудесным и объединяющим. Правительство старой буржуазной Чехословакии мало чем отличалось от Австро-Венгерской монархии по своему отношению к участникам первомайских демонстраций и их организаторам. Запрещения, аресты, тюрьмы обостряли борьбу рабочих за свои права.

После освобождения страны от немецких оккупантов и до нынешнего года день Первого мая праздновался в Чехословацкой республике в обстановке враждебности между политическими партиями.

Первое мая 1948 года будет подлинно всенародным праздником. Все партии Национального фронта, профсоюзы, молодежь, весь народ вместе отметят этот день. Мужественные первомайские колонны возрожденного Национального фронта будут вести лозунги, ныне превращающиеся в действительность:

Народная демократическая конституция... Всеобщее социальное страхование трудящихся... Единая школа... Единое революционное профсоюзное движение...

Рабочие и работники, трудящиеся деревни и трудовой интеллигенция Чехословакии в радостный день Первого мая 1948 года горячо приветствуют своего любимого освободителя — могучий Советский Союз!

ПРАГА.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

Очерк

Дело человека на земле

— Завтра мы поедем в Перкальский питомник, — сказала Зинаида Ивановна. Прошло десять дней с тех пор, как она начала брать нарзанные ванны. Лицо ее немного порозовело, чувствовалось, что она отдыхает.

Утром мы сели в полупустой поезд. Кто не знает этого легкого ощущения, когда вы усаживаетесь у окна вагона и впереди целый день в новом для вас месте? Мы проезжали мимо белых домиков поселков с фруктовыми деревьями около них; верхушки деревьев и концы ветвей побелели-цветочные почки на яблонях набухли и готовились вот-вот распуститься.

Горы вдоль дороги уже не были однообразно серы, начиналось весеннее их преображение. Повсюду в расщелинах и трещинах появились пятна еще нежной зелени. Рядом с ними даже буря прошлогодней трава нарядно расцветала склоны, на которые серые выступы камня под ярким солнцем бросали зубцы черных теней. Главный тон гор был сиренево-серый, и дым палов кое-где обмывал их молочным туманом.

Теперь Бештау был перед нами, мы ехали к нему, и с каждым поворотом он выступал рельефнее. Показались еще два зубца горы. «На запад пятиглавый Бештау сияет, как оползшая туча рассеянной бури», — писал Лермонтов. Мы долго смотрели, не перекашавшись ни словом. Напротив нас две женщины вспоминали, как здесь приходили немцы...

Никак нельзя смотреть на Бештау, как на обыкновенную гору, — сказала, наконец, Зинаида Ивановна, — и невероятно, что здесь были немцы.

На станции «Пятигорск» мы застали утреннее движение людей, едущих на базар и с базара. В вагоне лопались женские загорелые лица, мешки, корзины с яблоками, связки лука. Яблоко особенно было много: прекрасные сорта крупняки, цвета слоновой кости и сильного аромата плодов напоминали нам трудности разведения садов на Дальнем Востоке.

У нас на Алтае колхозники любят сады, и у нас постоянная связь с ними, — сказала Зина. — Есть особая прелесть труда на плодово-ягодных станциях: работаешь для украшения нашей земли! Климат никогда не принимает беспокойство, но все же не так, как на Дальнем Востоке. Раз у нас была снежная буря: яблоки, целые деревья, ломались под тяжестью снега, не говоря уж о ветвях. Мы вышли на борьбу, помогали деревьям, сваливая снег с ветвей, а потом — сколько времени! — подпихивали сломанные ветви, связывали крепко там, где произошли надломы, и разрывали древесину. У нас большой сад. Наш директор — Герой труда... Вот интересно, как тут у них, в питомнике?

Мы остановились на станции «Машук». Под серыми ветвями ясеней и акаций рядом с бурным прошлогодним листом, озерками голубели подснежники. По разбитой колесами глинистой дороге мы пошли к склону Машука, отсюда больше похожего на «мохнатую персидскую шапку», чем со стороны города: питомник находился на противоположном от города склоне.

Зинаида Ивановна с живым, чисто ботаническим интересом всматривалась в свежие побеги, иногда наклоняясь и разбирая пальцами прелую листву. Мы уже давно шли по молодому сероствольному лесу, где расцветали лиловые и белые хохлатки.

— Смотрите, — обводила рукой вокруг, сказала она, — как запущен питомник! Вот эти деревья, что вы видите вокруг себя, — это переростки. Их надо было давно высадить. — Она подошла к стройному деревцу с гладкой корой и погладила ее, любящая: «Каштанчик!» — назвала она. — Вероятно, у них не хватало рабочих рук...

Когда мы в конторе питомника познакомились с директором, молодой еще женщиной, пережившей блокаду Ленинграда, знакомой Зинаиды Ивановны со времени ее работы в академии, Зина спросила, почему в питомнике так много несаженых деревьев. — Как началась война, рабочих рук убавилось, а и потребность в озеленении сократилась, а потом, когда немцы пришли... — жила в питомнике замедля. Я, правда, не была в то время здесь, но это понятно.

Мы помолчали. Война здесь оставила разрушение особого рода: человек отворнулся от природы, которую держал в своих руках, и она забушевала во всю силу своей плодотворности. Тонкое дело разведения декоративных растений стало зарастать дикими, глухими...

— Когда я была у мамы в Минске, — сказала Зинаида Ивановна, — я видела ужасные разрушения в городах, жилищах, в сердцах Там был самый центр войны. А тут — тоже везде следы... Как же вы справляетесь теперь?

— Ну, теперь потребность в растительном материале огромная! Хотя у нас рабочих еще недостаточно, приезжают служившие в санаториях со всей группы Минеральных вод. Под нашим руководством, с нами вместе, отбирают себе саженцы, возят машинами. Ну как же! Такая потребность украсить, обновить свою землю! Был выходной день, и некому было сопровождать нас, кроме хромого садовода, опиравшегося на толстую палку. Он показывал нам оранжерею и хотел было проводить по питомнику; но Зинаида Ивановна сказала: «Зачем? Я сама разберусь, вы отдохните». Она переходила от одного растения к другому, останавливаясь перед голубыми елями, перед самшитовыми деревьями. Она смотрела на них, как на детей, и говорила, что кунит и повезет к себе на Алтай «вот эти две елочки, штук восемь самшитиков, хоть пяток каштанчиков». Ей хотелось увести с собой побольше разных семян.

— Я им оставлю наши — в обмен: а себе куплю у них... — она называла виды декоративных растений, как мне показались местными, которых нет на Алтае. — Местные? — улыбнулась Зинаида Ивановна, — да какие же это местные? Это все привезено, прислано, обморожено.

Главному редактору В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.